

С.А. ЧЕТВЕРИКОВ
(Оренбург)

**ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБЕРНИЯ
КАК МЕСТО ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ССЫЛКИ В СЕРЕДИНЕ XVIII –
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX века**

Охарактеризованы основные этапы приобретения Оренбургской губернией статуса местности, предназначенной для размещения политических ссыльных. Названы виды преступлений, считавшиеся во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. политическими. Особое внимание уделено случаям массовой высылки лиц, признанных неблагонадежными в политическом отношении.

Ключевые слова: *политическая ссылка, Российская империя, тайные общества, декабристы, поляки.*

Оренбургская губерния была «окончательно введена в общую систему прочих областей Империи» 15 марта 1744 г. [39, с. 8], а уже 15 июня 1744 г. на добычу илекской соли было предписано отправлять лиц, виновных в богохульстве и преступлениях «по первым двум пунктам» [30]. Причинами назначения Оренбургской губернии в качестве места ссылки для политических преступников являлись:

1. Удаленность Оренбурга от столичных губерний. Расстояние до Москвы равнялось 1500 км, до Санкт-Петербурга – 2200 км.

2. Крайне низкая плотность населения. Так, согласно 4-й Сенатской ревизии 1782 г., на территории Оренбургской губернии площадью более чем в 320 тыс. квадратных верст, проживало 289155 душ [39, с. 113]. Губерния испытывала явный недостаток в квалифицированных докторам и чиновниках.

3. Опасность военной и гражданской службы, связанная с приграничным положением Оренбургской губернии относительно враждебно настроенных государств Средней Азии.

4. Климатические условия в губернии. Так, среднегодовая температура воздуха в Оренбургской губернии составляла $-3,2^{\circ}\text{C}$ [40, с. 43], а разница между наибольшей и наи-

меньшей температурами достигала 80°C . Летом температура достигала 36°C в тени; зимой опускалась ниже -35°C . Снег выпадал в конце октября и лежал до начала апреля. Бураны начинались в последних числах ноября и продолжались до 1 марта. Толщина снежного покрова в среднем достигала 40 см. Число ясных дней в году равнялось в среднем 96, а пасмурных – 120. Остальные принадлежали к разряду «облачных». При этом большинство пасмурных дней приходилось на позднюю осень, зиму и весну, что свидетельствовало о жарком и засушливом лете [40, с. 59]. В 1821 г. в продолжение всего лета в степи ни разу не выпал дождь и шесть недель кряду не было ночной росы [41, с. 6]. Осенью и весной преобладал холодный юго-западный ветер, создававший условия для распространения простудных заболеваний.

Становление Оренбургской губернии в качестве места политической ссылки происходило в несколько этапов. Первый (1744–1763 гг.) был связан с отправкой в Оренбург «на службу, в которую способен» лиц, виновных в непочтительных отзывах о высших государственных сановниках. Так, в 1744 г. в город был доставлен магазин-вахтер Иван Седестром за произнесение различных непристойных речей. В них он возмущался тем, что: 1) «певчие (Разумовские. – С.Ч.), пожалованные императрицей в дворяне, у старых дворян старшинство отнимут»; 2) «ныне государыня более милостива к малороссиянам»; 3) причиной войны со Швецией было «их сожаления о судьбе Иоанна, и об отце его, что они в ссылке». А также за то, что желал восстановления «принца Иоанна на всероссийском престоле» [37, с. 534–537]. В том же году в Оренбург был отправлен дворовый человек статского советника Ивана Бахметева за то, что «весьма дерзко» подал письмо, в котором желал лично встретиться с императрицей, чтобы сообщить ей о готовившемся покушении на нее и наследника.

13 января 1746 г. в Оренбург в каторжные работы навечно по решению Тайной канцелярии был сослан иеромонах Ярославского Толгского монастыря Савватий (Сергий), который в пьяном виде произнес: «Бабы го-

рода не стоят николи! А ведь ныне государство баба держит! Баба не как человек! Приняла она к себе неверных: наследник у нее Петр (Ш. – С. Ч.) Федорович, сын герцога Голштинского и Анны Петровны, неверный, да и наследница (Екатерина II, дочь герцога Ангальт-Цербстского. – С. Ч.), такая же неверная! Не могла она здесь в России людей выбрать!» [13, с. 68–70].

С 1748-го по 1762 г. в оренбургском гарнизоне служил удаленный от двора А.Г. Чернышев [29, с. 228]. В 1762 г. в с. Спасское Оренбургской губернии был выслан поп Иван Федоров за произнесение молитвы за здоровье «бывшего Императора Петра III» [38, с. 1252]. В 1763 г. в полевые полки в Оренбург был направлен исключенный из лейб-гвардии Гренадерского полка Степан Власов за то, что в пьяном виде заявил о намерении с другими грендерами «застрелить государыню, когда она поедет в Петербург» [20, с. 782].

Таким образом, первые политические преступники были присланы на территорию Оренбургской губернии за произнесение непочтительных речей, а не за совершение каких-либо противоправных поступков.

Второй этап (1770–1824 гг.) ознаменовался массовой высылкой в Оренбургскую губернию лиц «по первым двум пунктам», а также неугодных императорам лиц без произнесения над ними приговоров суда. Так, в 70-х годах XVIII в. на территории Оренбургского края появляются первые ссыльные поляки – военнопленные, принимавшие участие в деятельности Барской конфедерации. Они были размещены в Уфе и служили в крепостях Оренбургской пограничной линии. Из Могилевской губернии на свободные земли Оренбургского края переселены «шляхетские околицы Антуши, Сеножатки, Тертеж» [26, с. 93]. С приходом к власти Павла I на основании именного указа от 29 ноября 1796 г. лица, наказанные «по случаю бывших в Польше замешательств» [31], получили разрешение возвратиться на родину.

Первый случай массовой высылки лиц, обвинявшихся в преступлениях «по первым двум пунктам», приходится на конец правления Екатерины II. 12 июля 1795 г. командующему Оренбургским корпусом С.К. Вязмитинову было предписано разместить на территории губернии пять взбунтовавшихся станиц донских казаков – Нижнечирскую, Верхнечирскую, Есаульскую, Пятиизбянскую и Кобылинскую. Причиной данного распоряжения являл-

ся их отказ переселиться на Кавказскую линию. Всего для жительства на Оренбургской линии были определены 437 участников бунта (578 человек с семьями) [36, с. 80].

Правление Павла I ознаменовалось высылкой из столицы лиц, неугодных императору, без произнесения над ними приговора суда. В Оренбург, согласно тайным повелениям Павла, в 1796–1800 гг. были отправлены 4 человека: 30 января 1797 г. – надворный советник Бук [19, с. 17]; 9 сентября 1799 г. коллежский советник Сибурн (Сибург) [28, с. 253]; 19 октября 1800 г. – квартирмейстер, майор граф Бензель. При этом данным лицам выплачивалось жалованье и дозволялось «жить на воле», но запрещалось вести переписку и отлучаться из города. В 1796 г. на постоянное жительство в Оренбург был удален камердинер при Екатерине II, приемный сын Г.А. Потемкина Ф.Е. Секретарев с женой. Причиной его высылки было хранение шкатулки, содержащей бумаги, а также письма Екатерины II к Потемкину, которые не были найдены у Секретарева при обыске [21, с. 161].

К 1802 г. названные лица получили прощение, а политическая ссылка в Оренбургскую губернию практически прекратилась. Всего с начала 1802-го до конца 1811 г. на территорию губернии были сосланы по политическим причинам 13 человек [2]. Из них 9 проживали в Оренбурге, 2 – в Уфе, по 1 – в Орской и Звериноголовской крепостях. Лица, сосланные по политическим причинам, содержались под строгим караулом как арестанты. Вся проходящая на их имя корреспонденция просматривалась.

С началом Отечественной войны 1812 г. Оренбургская губерния стала местом ссылки для иностранных подданных, подозреваемых в шпионаже. Так, согласно распоряжениям Особого комитета по наблюдению за французскими подданными, проживающими на территории Российской империи, в течение 1812 г. в Оренбург было сослано 17 человек. При этом оренбургскому военному губернатору Г.С. Волконскому было поручено «учредить за ними строгий надзор, разослав по крепостям, чтобы они жили тихо и скромно, никаких к нарушению спокойствия предприятий, вредных разговоров и политических рассуждений не делали и переписки ни с кем не имели» [42, с. 6]. Каждому иностранному подданному, высланному во внутренние губернии империи, на основании предписания Главнокомандующего в Санкт-Петербурге, генерала

от инфантерии С.К. Вязмитинова за № 885 от 4 ноября 1812 г. выделялось содержание по 25 копеек в сутки [3, л. 4].

Кроме того, в 1812 г. в Оренбург за сообщение французам о положении русских армий были высланы польские уроженцы помещик Лемницкий и еврей Якубович [1, л. 1]. Из Санкт-Петербурга был удален бывший начальник Тайной полицейской экспедиции надворный советник Иван Гегельстром, за «поведением, знакомством, связями и особенно за перепиской» которого было приказано вести «неослабное смотрение и наблюдение» [18, с. 238].

В последующие пять лет Оренбургская губерния не рассматривалась в качестве места ссылки для политических преступников. Лишь в конце 1817 г. в батальоны Оренбургского корпуса были зачислены шесть человек, признанных зачинщиками волнений военных поселян в Новгородской губернии. В 1818–1819 гг. на территорию губернии «за противные доброму порядку поступки и составление не позволенных просьб для военных поселян» были высланы 7 человек: 3 – в Бирск, по 1 – в Челябину, Троицк, Белебей и Оренбург [6].

5 сентября 1819 г. «на неперменное житительство» в Оренбургскую губернию был отправлен за участие в возмущении, произошедшем в г. Чугуеве, отставной поручик Василий Щербина, затем отставной прапорщик Никита Пылев. Также на службу в Оренбургский корпус были переведены поручики Ветчинниковы, Ангирманов, Иванов; корнеты Замочников, Шевернев, Павин, Грудин и Шаровнин, старший дивизионный адъютант ротмистр Тареев, командир поселенных эскадронов ротмистр Туманский [4, л. 2].

В августе 1821 г. в батальоны Оренбургского корпуса были определены равномерно без наказания 172 рядовых 1-й гренадерской роты Семеновского полка, виновной «в самовольном выходе на перекличку, в непослушании фельдфебелю, в принесении начальству жалоб на притеснения полкового командира, оказавшихся несправедливыми, и в умышленном утаении имен зачинщиков» [14, с. 80].

В 1822 г. на службу в расположенную в Оренбурге артиллерийскую роту № 72 из канцелярии графа А.А. Аракчеева был выслан Г.С. Карелин, который «нарисовал чертенка в мундире, с надписью “Без лести предан”» (девиз на гербе Аракчеева). А также «пропел какую-то комическую песенку, сочиненную на того же Аракчеева» [24, с. 16]. В 1824 г. на службу в Оренбургский корпус был выслан

разжалованный в солдаты за непозволительное сочинение и вольнодумство бывший подпрапорщик Семеновского полка П. Бахтурин [17, с. 156].

Третий этап (1824–1831 гг.) характеризуется высылкой в губернию членов различных тайных обществ. Первыми 28 февраля 1824 г. в Оренбургские батальоны были зачислены учащиеся Крожской гимназии, члены тайного общества «Черные братья»: Виткевич, Песляк, Ивашкевич и Сухотский. При этом дворянин Виленской губернии Я. (Иван) В. Виткевич был выслан за сочинение возмутительных писем и стихов [33, с. 590], дворянин Виленской губернии В.К. Ивашкевич – за сочинение по бытности в гимназии писем и стихов, признанных правительством вредными [11, л. 184об.], дворянин Виленской губернии А. Песляк – за знание их антиправительственных стихотворений. В ссылку члены общества «Черные братья» следовали этапным порядком, закованные в тяжелые пудовые цепи. По прибытии на определенные правительством места службы им было запрещено вести переписку с родными «и знакомиться с кем бы-то ни было» [25, с. 578].

Во второй половине 1824 г. на территорию Оренбургской губернии «за предосудительные намерения, кои они обнаружили в стихах и речах» [6] были высланы под надзор полиции студенты Виленского университета, руководители тайного общества «Филареты»: Зан (с заключением в крепость на один год), Сузин и Чечот (с заключением в крепость на полгода). Дворянин Минской губернии Томаш (Фома) Зан был выслан в Оренбург за основание тайного общества и распространение пагубных учений [27, с. 14], дворянин Гродненской губернии А.Д. Сузин – за то, что написанная им речь «показывает более преданности к Наполеону, нежели к России», в ней он «превозносит его за восстановление бывшего Герцогства Варшавского и за предприятие восстановить Польшу», выражает неудовольствие «присоединением польского края к России», указывает, что ныне «нет никакого для поляков счастья» [15, с. 55]. Дворянин Гродненской губернии Ян (Иван) Чечот был сослан за то, что в 1821 г. раздавал всем членам филаретского общества, выезжавшим из Вильно, незаконно напечатанные сборники, содержащие вопросы, «не совсем к статистике относящиеся». Среди них: «Сколько и в каких чинах и полках служит в местном войске дворян? Каково число местного войска и принадлежащих к нему лиц обоего пола? Где производятся вы-

боры чиновников и существуют ли среди них партии и интриги?» [15, с. 33].

Кроме того, в первой половине 1820-х гг. в Оренбургскую губернию под надзор полиции были присланы члены тайного общества «Филики Этерия», выступавшие за независимость Греции от Османской империи: серб Милорадович, русские подданные капитан А. Иванов, штабс-капитан Солтанович, рядовой Букатор [17, с. 156]. Всего в начале 20-х гг. XIX в. на территории Оренбургской губернии под надзором полиции по политическим причинам проживали 23 человека.

Важнейшим событием, приведшим к усилению полицейского контроля над политическими умонастроениями общества, стали события 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади и последовавшее за этим расследование. Всего в 1826–1833 гг. по данному делу на службу в Оренбургский корпус были зачислены 19 человек, а еще двое некоторое время проживали на территории губернии под строгим надзором полиции.

Первым уже 24 февраля 1826 г. на службу в Оренбургский военный госпиталь был зачислен штаб-лекарь лейб-гвардии Финляндского полка Н.Г. Смирнов за то, что хотя и не был причастен к декабристскому делу, но в нарушение правил за деньги сдавал декабристу Цебрикову часть своей казенной квартиры [16, с. 483].

7 июня 1826 г. в Уральский гарнизонный батальон был переведен в чине капитана с заключением под стражу на два месяца ротмистр Ахтынского гусарского полка Е.Е. Пфейллицер-Франк [Там же, с. 104].

10 июня 1826 г. за непосредственное участие в событиях на Сенатской площади на службу в Кизильский батальон был зачислен мичман 27-го флотского экипажа П.А. Бестужев. Лейтенант Гвардейского морского экипажа Ф.Г. Вишневецкий был определен в Троицкий батальон. Подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Н.П. Кожевников – в Оренбургский гарнизонный полк. Лейтенант Гвардейского морского экипажа Е.С. Мусин-Пушкин – в Звериноголовский батальон [17, с. 151].

В июле 1826 г. в Верхнеуральский батальон был переведен рядовым прапорщик 9-й артиллерийской бригады А.В. Веденяпин [25, с. 582]. В Оренбургский батальон были зачислены рядовыми В.Д. Вальховский, Н.Н. Оржицкий, В.Д. Сухоруков [35, с. 28]. За принадлежность к тайным обществам в Ор-

ский гарнизонный батальон с заключением в крепость на шесть месяцев был отправлен подпоручик гвардейского Генерального штаба Д.А. Искрицкий. В Верхнеуральский гарнизонный батальон с заключением в крепость на два года был отправлен подпоручик 9-й артиллерийской бригады И.М. Черноглазов, знавший о замыслах «Общества соединенных славян» [34, с. 69].

По случаю коронации Николая I 22 августа 1826 г. лицам, высланным на службу в Оренбургский корпус, было даровано право отправиться на Кавказ, которым они воспользовались в сентябре 1826 г.

Кроме названных лиц, в Оренбургскую инвалидную команду поступили на службу получившие ранения в ходе стрельбы 14 декабря 1825 г. канонир 1-й статьи артиллерийской команды Гвардейского морского экипажа С. Зайцев и матрос 2-й статьи О. Кононов, в Кизильский гарнизонный батальон – поручик Кавалергардского полка А.С. Горожанский, высланный из него в 1830 г. за «разные дерзкие слова на особу его величества» и заявление, что «не признает над собой власть царя», в Соловецкий монастырь [17, с. 155].

С 15 января по 7 августа 1828 г. в Оренбурге у отца проживал штабс-капитан А.А. Жемчужников, уволенный от службы по делу о злоумышленных обществах [5, л. 1]. В 1830 г. в Оренбургский корпус был зачислен рядовым член «Общества соединенных славян» Н.О. Красницкий. В 1832–1834 гг. в Оренбурге под надзором полиции проживал член Коллегии иностранных дел князь Голицын [10, л. 11]. В 1833 г. в Уфимский батальон был определен за участие в событиях на Сенатской площади бывший подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка А.А. Фок [12, л. 28].

26 января 1833 г. на службу в Верхнеуральск был доставлен прапорщик Гвардейского экипажа князь Гагарин, «дабы он мог более чувствовать сделанный им проступок, который заслужить может только безусловным повиновением и покорностью своему Начальству» [10, л. 3].

При этом оренбургский военный губернатор В.А. Перовский был против принудительного зачисления офицеров из числа политических преступников на службу в Оренбургский корпус по причине отсутствия за ними наблюдения со стороны военного начальства. Поэтому в 1833 г. он подал рапорт военному министру графу А.И. Чернышеву, в котором указал, что «в составе батальонов Оренбургского

Корпуса, молодой офицер, найдет всегда почти более поводов и способов к соблазну, чем к исправлению. Офицер, который бы в армейском полку не был терпим Начальством, аттестуется здесь хорошо, потому что он лучше товарищей» [10, л. 5].

К 1830 г. число лиц, высланных в Оренбургскую губернию по политическим причинам, достигло 30 человек [6]. При этом ссылка носила единичный характер. Так, в 1827 г. из Москвы на службу в Оренбург был отправлен канцелярист Алексей Салтанов за ведение разговоров с братьями Критскими, в которых он соглашался, «что в России войско содержится строго, неприятельский урон описывается, а о наших потерях умалчивается» [23, с. 50].

19 января 1831 г. в Оренбург из Курска под секретный надзор полиции был отправлен граф Карл Хоткевич. Местному обществу было объявлено, что это «любитель естественных познаний, который посещает Оренбургский край для проведения исследований и наблюдений по природе в местах, мало знакомых ученому» [7, л. 3].

26 января 1831 г. на службу в Оренбург был выслан из Санкт-Петербурга титулярный советник Александр Гибаль, который «давно уже замечен был по неосторожным, слишком вольным и дерзким рассуждениям, от коих он не воздерживался даже в публичных местах». Причиной его высылки стал разговор в трактире о возникших в разных странах Европы возмущениях, в котором Гибаль «предсказывал, что и в Варшаве последует мятеж» [8, л. 24].

Окончательно Оренбургская губерния получила статус места, предназначенного для ссылки политических преступников, в мае 1831 г., когда на основании обращения оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена к министру внутренних дел высылка в Оренбургскую губернию людей порочного поведения была прекращена [32]. При этом, согласно «Положению о пленных и добровольно переходящих польских чинах» от 21 мая 1831 г. [9], в батальоны и арестантские роты Отдельного Оренбургского корпуса зачислялись нижние чины, принадлежавшие к регулярным частям польской армии, а также лица, взятые с оружием в руках из ополчения или национальной гвардии Царства Польского. В результате в 1831–1833 гг. на территорию Оренбургской губернии было доставлено 1400 военнопленных из нижних чинов, которые были распределены по крепостям на Оренбургской пограничной линии [22, с. 240].

В целом процесс становления Оренбургской губернии в качестве места ссылки политических преступников занял около ста лет (с середины XVIII в. до начала 1830-х гг.). Его особенностью являлось то, что первоначально высылка в Оренбург по политическим причинам назначалась не за совершение каких-либо противоправных поступков, а за произнесение непочтительных слов в адрес высших сановников государства. При этом вплоть до конца XVIII в. она носила единичный характер. Высылка на службу в Оренбургскую губернию одновременно большого числа политических преступников происходила в результате антиправительственных выступлений, трактованных как мятеж.

Причинами выбора Оренбургской губернии в качестве места ссылки для политических преступников являлись ее отдаленность от столиц, приграничное положение, климатические условия и малонаселенность. Основными видами наказания политических преступников по времени их принятия являлись: отправка на службу в Оренбург «куда пригодится»; поселение под надзором начальства; поселение на свободных землях губернии и зачисление на воинскую службу. При этом вследствие отсутствия четкого определения политического преступления под ним подразумевался широкий круг деяний, затрагивавших интересы верховной власти и общественное устройство.

Первые польские уроженцы были высланы в Оренбург в 70-х гг. XVIII в., а первые выходцы из северо-западных губерний – в 1824 г. В тот же год в Оренбургскую губернию начинается высылка членов тайных обществ. Окончательно Оренбургская губерния приобретает статус местности, предназначенной для высылки политических преступников, после доставки на территорию губернии участников Польского восстания 1831 г.

Список литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 6. Оп. 3. Д. 886.
2. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3508.
3. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3581.
4. ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 6955.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 30.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 35.
7. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 55а.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 59.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 61.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 89.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 94.

12. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 127.
13. Арсеньев А.В. Непристойные речи. Монах, недовольный женским правлением // Исторический вестник. 1897. Т. 69. С. 68–70.
14. Богданович М. Беспорядки в Семеновском полку // Вестник Европы. 1870. Т. 26, № 11. С. 55–84.
15. Вержбовский Ф. К истории тайных обществ и кружков среди литовско-польской молодежи в 1819–1823 годах. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1898.
16. Восстание декабристов: док. / ред. С.В. Мироненко; сост. О.В. Эдельман. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008. Т. XXI.
17. Гвоздикава, И.М. Против крепостничества и самодержавия (Ссылные декабристы в Оренбургской губернии) // Сохраним выцветшие строки. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1988. С. 150–164.
18. Жандармы России / сост. В.С. Измокин. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
19. Именные указы Императора Павла I Оренбургским военным губернаторам. 1797–1800 // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. 1889. Вып. I. С. 74–95.
20. Каратыгин П.П. Язык мой – враг мой. Русский преторианец // Исторический вестник. 1897. Т. 69. С. 777–787.
21. Корсаков А. Федор Ермолаевич Секретарев // Русский архив. 1882. Кн. 1. № 1. С. 160–166.
22. Кортунов А.И. Поляки на военной службе в крепостях Оренбургского края (первая половина XIX века) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5. С. 239–242.
23. Лемке М.К. Тайное общество братьев Критских // Былое. 1906. № 6. С. 41–58.
24. Липский В.И. Григорий Силич Карелин (1801–1872). Его жизнь и путешествия. СПб.: Тип. «Герольд», 1905.
25. Лоссиевский М.В. Записки Песляка // Исторический Вестник. 1883. Т. 13. С. 576–594.
26. Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1871.
27. Модестов Н.Н. Магистр философии Фома Карлович Зан в Оренбурге // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. 1917. Вып. XXXV. С. 7–56.
28. Муханов П.А., Хмыров М.Д. Указы и повеления Павла I Санкт-Петербургским военным губернаторам. 1796–1797 годы // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 235–256.
29. Оболенский М. Исторические замечания // Русский архив. 1865. № 3. С. 334–350.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. / под ред. М.М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XII. С. 170–172. №8992.
31. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. / под ред. М. М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXIV. С. 21. №17585.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 1825–1881 гг.: в 55 т. + тома доп. и указ. СПб.: Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1885. Т. VI, ч. 1. С. 402. №4597.
33. Потто В.А. Ссылные поляки в Оренбурге // Исторический Вестник. 1889. Т. 38. С. 584–606.
34. Русский инвалид. №175. 22 июля 1826 // Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений / сост. под ред. Б. Базилевского. СПб.: «Русская скоропечатня», 1906. Том первый (1825–1876). С. 69.
35. Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссылных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1971.
36. Севастьянов С.В. Несколько старинных песен // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. 1898. Вып. IV. С. 77–92.
37. Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны 1741–1761 // Русская старина. 1875. Т. 12. С. 523–539.
38. Указ Императрицы Екатерины II от 19 марта 1763 года // Русский архив. 1871. № 7–8. С. 1252.
39. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа: Тип. Оренбург. Губерн. Правления, 1859.
40. Чехович К. Результаты метеорологических наблюдений в Оренбургском крае, производимых в 1893 году // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества. 1895. Вып. 7.
41. Штукенберг И.Ф. Статистические труды. Т. 1: Статистическое описание Оренбургской губернии с Уральско-Оренбургской линией. СПб., 1858.
42. Юдин П.Л. Ссылные 1812 года в Оренбургском крае // Русский архив. 1896. № 9. С. 5–33.

* * *

1. Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (dalee GAOO). F. 6. Op. 3. D. 886.
2. GAOO. F. 6. Op. 3. D. 3508.
3. GAOO. F. 6. Op. 3. D. 3581.
4. GAOO. F. 6. Op. 3. D. 6955.
5. GAOO. F. 6. Op. 18. D. 30.
6. GAOO. F. 6. Op. 18. D. 35.
7. GAOO. F. 6. Op. 18. D. 55a.
8. GAOO. F. 6. Op. 18. D. 59.
9. GAOO. F. 6. Op. 18. D. 61.
10. GAOO. F. 6. Op. 18. D. 89.
11. GAOO. F. 6. Op. 18. D. 94.
12. GAOO. F. 6. Op. 18. D. 127.

13. Arsen'ev A.V. Nepristojnye rechi. Monah, nedovol'nyj zhenskimi pravleniem // Istoricheskij vestnik. 1897. T. 69. S. 68–70.
14. Bogdanovich M. Besporjadki v Semenovskom polku // Vestnik Evropy. 1870. T. 26, № 11. S. 55–84.
15. Verzhbovskij F. K istorii tajnyh obshhestv i kruzhkov sredi litovsko-pol'skoj molodezhi v 1819–1823 godah. Varshava: Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga, 1898.
16. Vosstanie dekabristov: dok. / red. S.V. Mironenko; sost. O.V. Jedel'man. M.: Ros. polit. jencikl. (ROSSPJeN), 2008. T. XXI.
17. Gvozdikova, I.M. Protiv krepostnichestva i samoderzhavija (Ssyl'nye dekabristy v Orenburgskoj gubernii) // Sohranim vycvetshie stroki. Ufa: Bashkir. kn. izd-vo, 1988. S. 150–164.
18. Zhandarmy Rossii / sost. V.S. Izmokin. SPb.: Neva; M.: OLMA-PRESS, 2002.
19. Imennye ukazy Imperatora Pavla I Orenburgskim voennym gubernatoram. 1797–1800 // Trudy Orenburgskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii. 1889. Vyp. I. S. 74–95.
20. Karatygin P.P. Jazyk moj – vrag moj. Russkij pretorianec // Istoricheskij vestnik. 1897. T. 69. S. 777–787.
21. Korsakov A. Fedor Ermolaevich Sekretarev // Russkij arhiv. 1882. Kn. 1. № 1. S. 160–166.
22. Kortunov A.I. Poljaki na voennoj sluzhbe v krepostjah Orenburgskogo kraja (pervaja polovina XIX veka) // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2014. № 5. S. 239–242.
23. Lemke M.K. Tajnoe obshhestvo brat'ev Kritskih // Byloe. 1906. № 6. S. 41–58.
24. Lipskij V.I. Grigorij Silich Karelin (1801–1872). Ego zhizn' i puteshestvija. Spb.: Tip. «Gerol'd», 1905.
25. Lossievskij M.V. Zapiski Peshjaka // Istoricheskij Vestnik. 1883. T. 13. S. 576–594.
26. Maksimov S.V. Sibir' i katonga. Spb.: Tip. A. Transhelja, 1871.
27. Modestov N.N. Magistr filosofii Foma Karlovich Zan v Orenburge // Trudy Orenburgskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii. 1917. Vyp. XXXV. S. 7–56.
28. Muhanov P.A., Hmyrov M.D. Ukazy i poveljenja Pavla I sankt-peterburgskim voennym gubernatoram. 1796–1797 gody // Russkaja starina. 1872. T. 5. S. 235–256.
29. Obolenskij M. Istoricheskie zamechanija // Russkij arhiv. 1865. № 3. S. 334–350.
30. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg.: v 45 t. / pod red. M.M. Speranskogo. Spb.: Tip. II Otd-nija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. T. XII. S. 170–172. №8992.
31. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg.: v 45 t. / pod red. M. M. Speranskogo. Spb.: Tip. II Otd-nija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. T. XXIV. S. 21. №17585.
32. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Vtoroe. 1825–1881 gg.: v 55 t. + toma dop. i ukaz. Spb.: Tip. II Otd-nija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830–1885. T. VI, ch. 1. S. 402. №4597.
33. Potto V.A. Ssyl'nye poljaki v Orenburge // Istoricheskij Vestnik. 1889. T. 38. S. 584–606.
34. Russkij invalid. №175. 22 ijulja 1826 // Gosudarstvennye prestuplenija v Rossii v XIX veke. Sbornik izvlechennyh iz oficial'nyh izdanij pravitel'stvennyh soobshhenij / sost. pod red. B. Bazilevskogo. Spb.: «Russkaja skoropechatnja», 1906. Tom pervyj (1825–1876). S. 69.
35. Sapargaliev G.S., D'jakov V.A. Obshhestvenno-politicheskaja dejatel'nost' ssyl'nyh poljakov v dorevoljucionnom Kazahstane. Alma-Ata: Nauka, 1971.
36. Sevast'janov S.V. Neskol'ko starinnyh pesen // Trudy Orenburgskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii. 1898. Vyp. IV. S. 77–92.
37. Tajnaja kanceljarija v carstvovanie imperatricy Elizavety Petrovny 1741–1761 // Russkaja starina. 1875. T. 12. S. 523–539.
38. Ukaz Imperatricy Ekateriny II ot 19 marta 1763 goda // Russkij arhiv. 1871. № 7–8. S. 1252.
39. Cheremshanskij V.M. Opisanie Orenburgskoj gubernii v hozjajstvenno-statisticheskom, jetnograficheskom i promyshlennom otoshenijah. Ufa: Tip. Orenburg. Gubern. Pravlenija, 1859.
40. Chehovich K. Rezul'taty meteorologicheskikh nabljudenij v Orenburgskom krae, proizvodimyh v 1893 godu // Izvestija Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva. 1895. Vyp. 7.
41. Shtukenberg I.F. Statisticheskie trudy. T. 1: Statisticheskoe opisanie Orenburgskoj gubernii s Ural'sko-Orenburgskoj liniej. Spb., 1858.
42. Judin P.L. Ssyl'nye 1812 goda v Orenburgskom krae // Russkij arhiv. 1896. № 9. S. 5–33.

The Orenburg province as the place for political exile in the middle of the XVIII – first third of the XIX centuries

The article describes the basic stages of gaining the status of the place for political exile by the Orenburg province. The types of crimes considered to be political in the second half of the XVIII – first quarter of the XIX centuries are given in the article. Special attention is given to the cases of mass exile of people declared to be unreliable in politics.

Key words: *political exile, the Russian Empire, secret societies, the Decembrists, the Poles.*

(Статья поступила в редакцию 01.06.2016)